

Резкие, безжалостные слова Хана Сиэня больно задели Хан Минчжу. Но сильнее обиды было глубокое недоумение: она искренне не понимала, почему брат так категорически против её союза с Цзи Ло.

Лишившись поддержки покойного Императорского благородного супруга Ван Ина, Третий принц остался без прочной опоры при дворе. Его единственным оплотом теперь являлось поместье маркиза Цзинго — семья покойной матери. И хотя родные Ван Ина много лет провели на дальней границе, они по-прежнему пеклись о судьбе оставленного сироты. Через столичных доверенных лиц они внимательно следили за жизнью Цзи Ло, пускай и не решались сближаться с ним открыто, дабы не навлечь гнев Императора.

Когда же Цзи Ло возмужал, покинул дворец и обзавёлся собственной усадьбой, поместье маркиза Цзинго стало регулярно присылать ему богатые дары к праздникам, что со стороны выглядело вполне естественно. Старая госпожа Ван долго присматривалась к юноше и в конце концов сочла его человеком на редкость благоразумным и сдержанным.

Разумеется, старая госпожа всегда считала, что императорский дворец — худшая доля для благородной девицы. И всё же для Цзи Ло она делала исключение. Тот выказывал ей должное почтение с самого её возвращения в столицу, чем и заслужил её благосклонность.

К тому же их с Хан Минчжу связывали давние родственные узы. В хрупкую и мимолётную любовь старая госпожа Ван не верила — куда надёжнее казались ей кровные союзы и династические браки.

Мысли путались, и Хан Минчжу взволнованно прикусила губу. Опустив голову, она тихо спросила:

— Братец, ты можешь объяснить почему?

Хан Сиэнь решил, что это лучший повод разрушить наивные иллюзии сестры. Все эти девичьи грёзы о заботливом старшем брате и единственном близком человеке были слишком далеки от реальности. Она явно идеализировала его.

Помогая ей, он лишь отдавал дань уважения покойной матери. Он оберегал Хан Минчжу, пока это было в его силах, но если она вообразила его своей незыблемой опорой в этом доме, то жестоко ошиблась. Избавить от неприятностей не означало впустить в душу.

В сущности, Хан Сиэню не было дела ни до кого из членов семьи Хань, и Минчжу не являлась исключением. Творили они зло или благодетель — его не заботило. Чужая жизнь его никак не касалась.

Он шёл наперекор родне лишь ради одного — спокойно дожить свой век в этом теле, чтобы затем ступить на Мост Беспомощности и со спокойной душой испить отвар матушки Мэн, навсегда стерев из памяти эту жизнь.

Своим предостережением он уже выполнил братский долг. В прошлой жизни связь Цзи Ло с генералом Бай Вэньханем была весьма занятной. В этой же жизни Сиэнь, пусть и не слышал чужие мысли постоянно, улавливал порывы встревоженного разума Третьего принца. Тот бредил лишь тронem. В его сердце не осталось места ни для любви, ни для супружества — пережитая некогда смертная мука выжгла всё, оставив лишь испепеляющую жажду власти.

Хан Сиэнь тихо вздохнул. Раскрывать свою тайну — способность читать мысли — он, конечно, не собирался.

Посмотрев на сестру равнодушным взглядом, он бросил:

— Никаких причин. Я просто высказал то, что пришло на ум. В конце концов, это твоя жизнь. Решай сама, чужое мнение не должно тебя волновать.

— И ты для меня тоже «чужой»? — От его жестоких слов Хан Минчжу вскинула голову. — Братец, скажи честно: я для тебя пустое место?

Грудь сдавило так, словно невидимая рука безжалостно вырывала из сердца последние крупинцы былых надежд. Превозмогая подступающие слёзы, она упрямо смотрела на брата. Хан Сиэнь на миг удивился столь отчаянному напору, но удивление быстро сошло с его лица. Он равнодушно опустил взгляд и ровным голосом произнёс:

— Если подумать, мы ведь едва знакомы.

Этот удар лишил Хан Минчжу дара речи. Она лишь растерянно смотрела на него широко раскрытыми глазами. Её губы дрогнули, но она так и не смогла вымолвить ни слова.

Наконец она порывисто опустила голову и, пошатываясь, бросилась прочь.

При всей своей проницательности и живом уме, Минчжу оставалась юной девушкой, едва достигшей возраста закладки. Она знала, что в этом огромном поместье отец безразличен к ней, бабка — недолюбливает, а все остальные и вовсе видят в ней заклятого врага.

Она ступала по дому как по тонкому льду, лишившись сна и покоя. К Хану Сиэню — родному брату по отцу и матери — она тянулась инстинктивно, отчаянно нуждаясь в его заботе. А его неявная, но ощутимая защита лишь подпитывала опасную иллюзию: Минчжу верила, что брат чувствует то же самое, что они — одна семья.

«По крайней мере, у меня есть старший брат», — эта мысль робким теплом согревала Минчжу.

Но ледяная отповедь Сиэня разом развеяла эти надежды. На душе у девушки стало невыносимо холодно. Она наконец осознала всю глубину своего заблуждения: для брата она была точно такой же чужой, как и все остальные обитатели герцогского дома.

Когда сестра ушла, Хан Сиэнь неспешно зашагал обратно в дворик Душистых Орхидей. Семенивший следом Ань Цао тревожно поглядывал на господина, переживая за него всей душой. Сам же Сиэнь прекрасно понимал: девичье горе не вызывало в нём ровным счётом никакого сочувствия. Он оставался абсолютно равнодушен.

Стоило ему переступить порог дворика Душистых Орхидей, как Чэнь Сян, Юнь Чжи и Ло Ся поспешили склониться в приветствии. Лишь Би Хуа, обычно выдававшая наибольшее рвение, замешкалась. Её тихий голос прозвучал невпопад. Почувствовав на себе удивлённые взгляды подруг, служанка поспешно опустила голову, пытаясь скрыть бледность.

Ань Цао украдкой покосился на неё. Когда Хан Сиэнь молча прошёл в свои покои, юноша осторожно приблизился к Би Хуа и негромко спросил:

— Что с тобой? Лица на тебе нет. Случилось чего? Всю ночь глаз не сомкнула?

Юнь Чжи и Ло Ся тоже подошли ближе, засыпав её участливыми расспросами. Чэнь Сян, которая в последнее время пользовалась особым доверием молодого господина, осталась стоять в стороне.

Впрочем, Чэнь Сян догадывалась, в чём дело. Накануне к Би Хуа тайком приходила служанка из прислуги заднего двора. Она передала, что у ворот стоят её отец и старший брат. Взяв с прибывших мелкую монету, привратник велел передать Би Хуа весточку: если есть время — пускай выйдет, а если нет — он просто прогонит их прочь.

Все обитатели поместья герцога Хань прекрасно знали, что Наследник не ладит со Старой госпожой и отцом, а потому слуг из дворика Душистых Орхидей старались обходить стороной. Но звонкая монета, как известно, и мёртвого заставит плясать. Из-за взятки весть до Би Хуа всё-таки дошла.

В тот момент Би Хуа разговаривала с Чэнь Сян, и та, едва прослышав о семейных делах подруги, деликатно удалилась. Она помнила, как радостно сияло лицо Би Хуа, когда та спешила к воротам. Но вернулась она сама не своя — померкшая, со скорбью в глазах. Сразу стало ясно: дома стряслась беда.

Пока остальные наперебой сочувствовали ей, Би Хуа бросила на Чэнь Сян растерянный взгляд. Её губы дрогнули, но она смолчала. Чэнь Сян, помедлив, шагнула ближе и мягко произнесла:

— Сестрица Би Хуа, если у тебя стряслась беда, поделись с нами. Вдруг мы сумеем помочь?

— Верно, верно! — подхватил Ань Цао. — А если мы окажемся бессильны, то попросим Наследника! Господин обязательно... — Под суровым, предостерегающим взглядом служанки его голос сошёл на нет.

Би Хуа устало потёрла лоб и тихо ответила:

— Обычные домашние неурядицы. Не стоит тревожить молодого господина по пустякам.

Услышав о семье, Ань Цао замолчал. Большинство слуг и лакеев в усадьбе являлись крепостными от рождения, но некоторых покупали со стороны.

Ань Цао когда-то продали собственные родители, и он давно позабыл дорогу к родному порогу. Би Хуа же продала себя сама. Её деревня лежала в сотне ли от столицы. Семья была огромной, а годы выдались неурожайными. Когда голодная смерть уже стучалась в двери, отец с матерью решили выдать её старшую сестру, Да Ню, за деревенского калеку, чтобы выручить хоть немного денег на пропитание.

Вот только тот хромец слыл горьким пьяницей и в хмельном угаре не щадил никого. Его прежняя жена понесла, но изувер забил её до выкидыша, а после пожалел денег на лекаря, и несчастная испустила дух. Отдать Да Ню такому человеку означало обречь её на верную гибель.

Тогда Би Хуа сама пришла к уездному торговцу людьми и подписала пожизненную купчую за пять ланов серебра. Девочкой она росла смазливой, продать такую не составляло труда, поэтому посредник не поскупился.

У той торговки всё же оставалась совесть: смышлёных и миловидных девушек она пристраивала служанками в богатые дома. Лишь тех, на кого не находилось покупателей, сбывала в места похуже, но, по крайней мере, никогда не продавала несчастных в весёлые дома.

В родной деревне Би Хуа звали Эр-ню, но, оказавшись в усадьбе, она получила от Старой госпожи новое имя.

И вот теперь объявились её родные. Принесли они хорошие вести или дурные — бог весть. Раз уж Би Хуа молчала, расспрашивать её никто не решался.

Разговор замяли, но на сердце у Би Хуа лежал тяжёлый камень. Продав себя в рабство, она не держала зла на родителей. Ей повезло: при первой же перепродаже её заметила Старая госпожа Хань и оставила в поместье. Здесь она не знала нужды ни в еде, ни в одежде, жила в сытости и покое, а честно заработанное жалованье исправно отсылала родным. И пускай у неё не осталось свободы, а жизнь целиком принадлежала хозяевам, мысль о том, что её жертва спасла близких от нищеты, приносила утешение.

Но вчерашний приход отца разрушил этот хрупкий мир. Дрожащим голосом старик поведал, что несколько месяцев назад в их избу ворвались вооружённые люди. Без лишних слов они разнесли скудное жилище, а её младшего брата заковали в кандалы и бросили в темницу. Всю же остальную семью насильно привезли в столицу, заперли в лачуге и принялись вымогать деньги. Старшего брата принудили сесть за игорный стол. Простой крестьянин, он ничего не

смыслил в костях, долги его росли как на дрожжах, а за долгами следовали жестокие побои.

Позже отец случайно подслушал разговор мучителей. Те упомянули, что их дочь служит в герцогском поместье и ходит в любимицах у молодого господина. «Глядите, не переусердствуйте, — шептались бандиты, — как бы влиятельные хозяева за девку не вступились».

Так старик узнал, где искать дочь. Отыскав дорогу к поместью с помощью какого-то услужливого незнакомца, он пришёл к ней в надежде понять, за какие грехи на их семью обрушилась эта напасть.

Ему было стыдно смотреть дочери в глаза — ведь он так и не смог выкупить её из неволи. Но безвыходное положение заставило его переступить через гордость. Старик молил лишь об одном: не сможет ли его Эр-ню упротить господина вызволить младшего брата из узилища?

Вспоминая измождённое лицо отца и коварство Старой госпожи, распределившей её когда-то в дворик Душистых Орхидей, Би Хуа содрогалась от ужаса. Все четыре служанки — Тао Яо, Юнь Чжи, Ло Ся и она сама — разительно отличались друг от друга. Тао Яо влекла мужчин колдовским очарованием, Юнь Чжи пленяла чистотой, Ло Ся лучилась жизнерадостностью, а в чертах Би Хуа сквозила благородная холодность.

Старая госпожа прочила их в постель Наследнику. Об этом тайном замысле знали лишь двое: она да Тао Яо.

Однако здоровье молодого барина всегда было слабым, и со временем девушки позабыли о своей истинной доле. О том же, зачем Старая госпожа окружила чахнувшего внука первыми красавицами, Би Хуа даже думать боялась.

Беда, постигшая её родных несколько месяцев назад, явно была делом рук кого-то из обитателей этого поместья. Расчёт злоумышленников не оправдался лишь потому, что Наследник внезапно увёз своих служанок в южные земли Цзяннаня, лишив заговорщиков возможности связаться с ними.

И вот ловушка захлопнулась. Теперь её вынуждали сделать выбор. Сердце Би Хуа сжималось от безысходности.

«Выберу Наследника — близких убьют. Предам его ради воли герцога — барин узнает, и мне конец».

О том, как жестоко Хан Сиэнь карает за измену, в дворике Душистых Орхидей знал каждый. Стоило Би Хуа вспомнить участь няни Дун, как её охватывала крупная дрожь.

До внутренних терзаний служанки Хану Сиэню не было дела. День выдался на редкость погожим, и слуга принёс ему послание от Цзи Ло с предложением прокатиться за город.

Вертя в пальцах плотную бумагу, Хан Сиэнь задумчиво усмехнулся. Пожалуй, это затишье было последним перед грядущей бурей.

Он неторопливо переоделся, покинул герцогские покои и отправился на встречу.

<http://bllate.org/book/20088/2002035>